

Киреева Н.В.

О СИСТЕМНОМ ПОДХОДЕ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОСНОВНЫХ КАТЕГОРИЙ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Принятый в общей теории безопасности понятийный аппарат, к сожалению, нельзя считать сформировавшимся. Утвердившаяся в отечественной законодательной практике формулировка, определяющая безопасность как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» представляется неудачной, так как категория «состояние» характеризует явления с точки зрения их изменчивости и не позволяет выявить в них общие сущностные черты. Толкование же безопасности как «защищенности» выглядит прямолинейным и упрощенным, поскольку подразумевает возможность достижения недостижимой, идеальной ситуации. Определение угроз безопасности как «совокупности условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства», во-первых, тавтологично, а во-вторых, побуждает многих исследователей к выделению генеративным путем максимального числа негативных факторов и приводит к составлению весьма обширного, трудно поддающегося конкретизации и оценке спектра причин, оказывающих отрицательное воздействие на процесс развития. Автор настоящей статьи предпринимает попытку с позиций системного анализа выяснить действительное содержание ключевых понятий общей теории безопасности.

Ключевые слова: общая теория безопасности, безопасность социальных систем, устойчивое развитие, угрозы безопасности, конфликты, факторы социальной эволюции, потребности, социальные интересы, согласование интересов, взаимодействие интересов

Общая теория безопасности является относительно новой отраслью гуманитарного знания в нашей стране, и этим в значительной степени объясняется несовершенство ее категориального аппарата, все еще пребывающего в стадии становления. Попытки сформировать комплексный взгляд на проблему безопасности зачастую сводятся к перечислению «негативных условий и факторов», угрожающих личности, обществу и государству, и не приближают к ответу на вопрос о том, что же следует понимать под угрозами и самой безопасностью. Вместе с тем очевидно, что выяснение содержания этих категорий явля-

ется необходимым условием качественного информирования органов государственной власти Российской Федерации об угрозах безопасности страны, которое определено Федеральным законом от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» в качестве одной из важнейших ее обязанностей. Решение этой задачи видится в подходе к определению основных категорий общей теории безопасности с системных позиций. Это, как представляется, может способствовать повышению эффективности работы тех подразделений ФСБ России, на которые возложены аналитические и информационные функции, что

определяет не только научную, но и практическую значимость темы настоящей статьи.

В отечественной законодательной практике утвердилась формулировка, определяющая безопасность как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». Определение безопасности как «состояния» представляется неудачным, поскольку категория «состояние» применима к процессу изменения и развития вещей и явлений, характеризует их способность к проявлению в различных формах, и потому не позволяет выявить в них общее, «единое во многом», сущностное содержание. Думается, что правильнее определять безопасность через категорию «свойство», поскольку она «выражает такую сторону предмета или явления, которая обуславливает его различие или общность с другими предметами и обнаруживается в его отношении к ним». Именно выявление этой общности позволяет осуществить «переход от многообразия наличных форм предмета к его внутреннему содержанию и единству — к понятию», то есть приблизиться к постижению его сущности.

Что касается второй части рассматриваемого определения — понятия «защищенности», то, во-первых, такое толкование выглядит прямолинейным и упрощенным, поскольку подразумевает возможность достижения недостижимой, идеальной ситуации. Во-вторых, подобный взгляд характерен для так называемого охранительного подхода, неразрывно связанного с тоталитарными и авторитарными режимами. Взгляд на безопасность как совокупность мер исключительно ограничительного характера приводит отождествлению силы и власти государства с правом на произвол. Охранительство ориентируется на закрытость общества и вследствие этого консервирует его от-

сталость. Между тем, по-видимому в силу сохраняющейся в нашем законодательстве инерции, в тексте Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. общество не рассматривается в качестве активного субъекта безопасности, и полностью обойден молчанием вопрос об ответственности власти за результаты проводимой ею политики.

Суммируя, можно утверждать, что «защищенность предполагает сохранение, консервацию существующего порядка. Защищенность всегда ориентируется на отражение внешнего воздействия, но защищенность не предполагает развития. Между тем, если фиксировать, что безопасность есть сохранение существующего состояния, то позволительно сказать поэтически: стоять на месте — все равно, что двигаться назад. Не развиваться — значит подрывать собственную безопасность». В силу указанных обстоятельств следует признать, что формулировка «безопасность как состояние защищенности» уязвима, не отвечает духу и букве долгосрочной Стратегии национальной безопасности.

Несмотря на господство в отечественной теории безопасности охранительной парадигмы, ряд авторов стремятся выйти за ее рамки и рассматривают безопасность в более широком смысле, с позиций внутренней организации, функционирования и развития объекта безопасности, его взаимодействия с окружающей средой. Такие определения можно назвать охранительно-функциональными, деятельностными. Безопасность в них трактуется как возможность объекта не только оборонять себя, но и выживать, развиваться и совершенствоваться, сохраняя свою качественную определенность и эффективно взаимодействуя со средой.

Обоснованно констатируя неразрывную связь безопасности и развития, некоторые

авторы противопоставляют их друг другу. Так, А. А. Прохожев пишет: «... по сути своей и содержанию задачи развития и обеспечения безопасности всегда имеют противоположную направленность. Развитие органически требует постоянного расширения, обновления, инноваций в тех или иных сферах деятельности общества. Безопасность же требует стабильности существующего положения, ограничения всякого рода новаций, особенно рискованных».

Сторонники концепции, объясняющей природу безопасности через устойчивое развитие, напротив, утверждают, что «безопасность и устойчивое развитие объекта не просто имманентно связаны, но совместно представляют единую целостную систему». Их мнение о том, что общесистемные принципы определяют связь и соотношение развития и безопасности в бытии как биологических, так и социальных систем разной степени общности (индивид, социальная группа, общество, государство, группа государств, человечество в целом), а также способ их взаимодействия с окружающей средой, представляется вполне обоснованным.

Может показаться, что понимание безопасности объекта как сохранения его природы, качества и длительности существования противоречит взгляду на развитие как изменение, связанное с ростом, увеличением информационного содержания материальных систем. Однако противоречия здесь нет: единство устойчивости и изменчивости социальной системы поддерживает ее в состоянии динамического равновесия. Именно благодаря особому типу развития — самоорганизации — возможно самосохранение эволюционирующих материальных (в том числе живых) систем. В процессе взаимодействия со средой им приходится изменяться, увеличивая качественное разнообразие образующих их структуру элементов и связей.

С усложнением структуры энергия связей между элементами внутри системы возрастает, постоянно превышая энергию их связей с элементами других систем. Это в конечном итоге обеспечивает целостность и длительное сохранение рассматриваемой системы, ее более высокую устойчивость в окружающей среде. Если разнообразие внутри системы окажется меньше разнообразия возмущений ее окружения (то есть низших по сравнению с ней организационных уровней), то она деградирует и может прийти к полному разрушению. Поэтому под устойчивостью развития, как представляется, следует понимать необратимость и восходящий характер (прогрессивность) количественных и качественных изменений, ведущих к обогащению и усложнению информационного содержания системы.

Отсюда следует, что обеспечение безопасности любой эволюционирующей системы требует не допускать ее изоляции от окружающей среды путем защиты, то есть устранения внешних воздействий или создания для них всевозможных препятствий, поскольку защита, как средство обеспечения безопасности превращает систему в закрытую (замкнутую), и она, изолируясь, получая из окружающей среды недостаточно вещественных, энергетических и информационных ресурсов, начинает терять свое информационное содержание. Напротив, безопасность требует непрерывного взаимодействия системы со средой. Если изоляция (защитный механизм) системы от среды существенно снижает ее возможности саморазвития, то обеспечение безопасности через усложнение (прогрессивное развитие) создает условия эволюционирующей системе продолжать непрерывную самоорганизацию при одновременном сохранении накопленного позитивного разнообразия. И это, как представляется, самый весомый аргумент,

доказывающий несостоятельность охранительного подхода к теории и практике безопасности.

Воздействие на объект (изнутри и/или извне) может привести к такому нарушению, при котором он частично или полностью утрачивает свою структурную целостность (деструкция). Возможно также, что в результате воздействия на объект происходит блокирование или существенно затрудняется выполнение им своих основных функций (дисфункция). Следует иметь в виду, что далеко не каждое такое воздействие может быть признано негативным. Лишь в том случае, если объект оказывается не в состоянии компенсировать деструктивные и/или дисфункциональные воздействия прогрессивными качественными изменениями в процессе самоорганизации, их можно считать негативными, а безопасность объекта нарушенной. Если же в процессе самоорганизации объекта происходит преодоление, снятие возникших противоречий, если в результате информационное содержание системы обогащается и она переходит в свое новое, более совершенное качество, любое вызвавшее подобные изменения воздействие следует считать позитивным. «Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние. ... Чем сильнее вызов, тем сильнее стимул. ... Во всех случаях сформулированный нами закон действует безоговорочно», — пишет А. Тойнби.

Непрерывное усложнение, прогрессивное развитие, формирование новых качественных характеристик самоорганизующихся систем реализуется лишь на базе предшествующих им структурных уровней, выступающих по отношению к ним в качестве среды. «Вне окружающей среды любая система —

ничто, так как все ее качества и свойства проявляются только в окружающей среде». Именно среда, с одной стороны, является ресурсом существования и дальнейшей эволюционной самоорганизации системы, а с другой — образует условия бытия этой системы. При этом основная доля в экосистеме приходится на условия существования и меньшая — на ресурсы, а для все более высоких иерархических уровней эта последняя постоянно снижается. Каждая предыдущая ступень эволюции материи оказывается большей по объему и массе, поскольку является «обиталищем» других, более высоких структурных уровней и ступеней эволюции материи.

Это означает, что с переходом на более высокий иерархический уровень происходит сужение «коридора усложнения» эволюционирующих систем. При этом должно сохраняться основание, фундамент, из которого «вырастает» более высокий структурный уровень эволюции, и его сохранение является необходимым условием для продолжения прогрессивной самоорганизации системы.

При деструкции или дисфункции среды ее прогрессивная эволюция прекращается и/или обращается вспять, по пути регресса. В свою очередь сокращение ресурсной базы и ухудшение условий бытия рассматриваемой нами системы приводит и к ее деградации. Следовательно, «для того, чтобы перейти на новый, более высокий уровень сложности, эволюционирующая система должна вступать в адаптивно-коэволюционные отношения с предыдущими структурными уровнями материи», поэтому безопасность через устойчивое развитие реализуется лишь в процессе коэволюции самоорганизующихся систем со средой.

Коэволюция высших систем со средой обеспечивается благодаря их способности не только к стихийной самоорганизации,

но также к самоуправлению, а у систем социальных — к осознанному и целенаправленному управлению средой и другими системами. Управление имеет информационную природу и может быть рассмотрено как процесс восприятия, преобразования и использования системой информации для ограничения разнообразия во вне и внутри себя до приемлемого уровня путем не только приспособления к среде (что присуще биологическим организмам), но и в преднамеренном преобразовании этой среды в соответствии с потребностями управляющего субъекта. «Именно процесс взаимной адаптации системы и среды оставляет существовать лишь те системы, которые в процессе взаимодействия оказались коэволюционными, т. е. способствовали как своей собственной эволюции, так и существованию объектов «своей» экологической ниши с ее ресурсами и условиями».

Таким образом, социальная система характеризуется как реактивным (определяемым воздействиями среды), так и активным поведением (определяемым не только воздействиями среды, но и собственными целями, предполагающими проектирование и преобразование среды, подчинение ее своим потребностям). Поэтому управление как способ организации жизни и деятельности людей, как целенаправленное и систематическое воздействие субъекта (человека, организации, института) на объект (природу, социальные процессы, связи и отношения, технические и технологические системы и др.) выступает в качестве важнейшего механизма обеспечения безопасности социальных систем. Это антиэнтропийный процесс, смысл которого — упорядочение, регулирование развития управляемого объекта (природного и/или социального), изменяющее или сохраняющее его состояние в соответствии с потребностями и интересами субъекта управления.

Применительно к обществу можно говорить о социальном управлении как определенном типе социального взаимодействия, факторами которого, по А. И. Пригожину, являются не только управление как целенаправленное внешнее воздействие на управляемый объект, но и самоорганизация (спонтанное регулирование, дополнительный и независимый источник организационной энергии), а также организационный порядок (система объективных по отношению к человеку норм, выработка, принятие и реализация которых упорядочивает деятельность постоянно изменяющейся социальной системы). При этом важнейшим субъектом управления выступает государство, а процессы самоорганизации протекают преимущественно в обществе.

Безопасность через прогрессивное развитие социальной системы в значительной степени зависит от характера взаимодействия управления (государства) и самоорганизации (общества): направленность их действий может совпадать; направленность действий механизма самоорганизации может быть нейтральна по отношению к действиям субъекта управления; направленность их действий может быть противоположной. Подобная вариативность следует из многообразия социальных интересов, отражающего высокую структурную сложность, изменчивость целей, многоаспектность функций и неоднозначность связей, присущих социальной системе. Поэтому Н. Н. Моисеев предпочитал говорить не об «управляемом», а о «направляемом» развитии социальных систем. По его мнению, управляющее воздействие способно лишь поддержать желаемые тенденции или избежать деструкции системы. В конечном итоге смысл социального управления состоит в создании предпосылок для эффективной самоорганизации и самоуправления, а также в поддержании динамического равновесия в коэволюции системы и окружающей ее

среды, что, как было показано выше, и составляет суть обеспечения безопасности через устойчивое развитие.

Все сказанное позволяет сформулировать определение безопасности: безопасность — это одно из сущностных свойств социального субъекта, состоящее в его способности к устойчивому (неопределенно длительному, прогрессивному и необратимому) развитию в процессе самоорганизации (за счет компенсации деструктивных и/или дисфункциональных внутренних и/или внешних воздействий качественными изменениями себя), а также управляемой в соответствии с собственными интересами коэволюции с окружающей средой.

Вопрос о сущности угроз безопасности разработан в отечественной науке еще в меньшей степени, чем проблемы содержания других ключевых категорий общей теории безопасности. Большинство исследователей генеративным путем выделяют максимальное число угроз, которые действуют в различных сферах жизнедеятельности личности, общества и государства, получая в результате весьма обширный спектр, трудно поддающийся конкретизации и оценке. Из подобных перечней следует, что угрозой безопасности могут быть названы фактически любые факторы, оказывающие негативное воздействие на процесс развития. Здесь в полной мере действует закон обратного отношения — чем шире объем понятия, тем уже, беднее его содержание.

Очевидно, что под угрозой, понимаемой как «совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства», подразумевается некая причина возможных или действительных нежелательных изменений в социальном развитии. При этом понятие «условия» соотносится с полной, а понятие «фактор» — со специфической

причиной, действие которой означает, что при наличии всех условий заключенная в ней возможность с необходимостью перейдет в действительность (от лат. *factor* — делающий, производящий — причина, движущая сила какого-либо явления или процесса).

П. А. Сорокин считал, что «в вопросе о факторах социальной эволюции должно и формально, и по существу иметь дело только с социальными же, а не с иными факторами. Теперь спрашивается: каковы же эти или этот фактор, та основная причина, которая обуславливает собой не самый факт социальной эволюции (он вызван другими — биологическими и физико-химическими — условиями), а ее определенный характер?». П. А. Сорокин не дает ответа на им же поставленный вопрос (думается, именно потому, что разделил, развел источники самой «социальной эволюции» и «ее определенного характера»). Между тем в истории философии не раз высказывалась мысль о том, что таким решающим внутренним фактором социального развития является интерес — специфическое отношение людей к окружающей их действительности, стремление овладеть предметом (объектом) и сделать его пригодным к удовлетворению потребности.

Единство объективного и субъективного в интересе делает его противоречивым по природе. В его основе — объективное потребностное противоречие между субъектом и условиями его существования, средой, которая является арсеналом средств для удовлетворения его потребностей. Противоречива и субъективная его сторона, что находит выражение в борьбе целей, мотивов, идеальных побудительных сил. Именно противоречивость субъективной стороны интереса делает социальное развитие многофакторным и нелинейным. Главное же противоречие, заключенное в интересе — противоречие между объективной и субъективной

его сторонами — разрешается в сознательной и целесообразной деятельности субъекта по преобразованию среды как природной, так и социальной. Следовательно, именно интерес делает субъекта активной стороной противоречия в системе «субъект-среда» и выступает в качестве источника социального развития.

Генетические причинно-следственные связи между элементами в структуре интереса имеют необходимый характер, то есть присутствуют и проявляются всегда, во всех случаях. Более того, связанные друг с другом отношением внутренней необходимости, в своей последовательности они образуют причинно-следственную цепь, когда следствие, произведенное определенной причиной, само становится причиной другого явления. Эта цепь, как и любая другая цепь причин и следствий, не имеет ни начала, ни конца: жизненные условия предопределяют потребность субъекта → в процессе осознания потребности формируется интерес → реализуя свой интерес, субъект изменяет условия бытия → новые условия порождают новую потребность, новый интерес и т. д.

Интересу присуща и другая фундаментальная черта процесса причинения — перенос структуры от причины к следствию, то есть воспроизведение, «отображение» структуры причины в структуре следствия. Единство противоположностей (субъекта и среды) как структура потребностного противоречия отражается в сознании субъекта (переход от объективного к субъективному). По мере формирования интереса возникает цель как предвосхищение желаемого результата деятельности. В цели фиксируются те будущие изменения в сторонах противоречия, которые должны произойти, чтобы потребность получила свое удовлетворение, а значит, сохраняется структура предыдущего звена в причинно-следственной цепи.

Далее благодаря деятельности цель воплощается в реальности (переход от субъективного к объективному), обе стороны противоречия претерпевают заданные целью изменения, следовательно, вновь принимают на себя структуру породившей эти изменения причины. Таким образом, неизбежность переноса структуры от причины к следствию ведет к тому, что уже сам факт порождения следствия определенным образом изменяет причину. Это присущее интересу универсальное свойство причинности наделяет социальную систему обратной связью и тем самым превращает ее в систему самоорганизующуюся.

«Корень всякого движения и жизненности», согласно Г.В.Ф. Гегелю, кроется в противоречии, а сущность развития состоит в процессе раздвоения единого на противоположности. Применительно к интересам социального субъекта это означает, что они, имея единую сущность, общее происхождение и в своей совокупности являясь способом бытия социального целого, в этом смысле представляют собой единство, тождество. Однако, несмотря на наличие общей основы, интересы охватывают все многообразие связей субъекта со средой и потому отличаются один от другого по цели и средствам ее достижения. Поэтому они не только едины, но и противоречивы по необходимости, по своей природе. Различия между ними могут принимать принципиальный характер, достигая полярности, антагонизма и превращая интересы во взаимоотрицающие друг друга противоположности. Противоположные интересы представляют собой угрозу друг другу, и «этот мир полон опасностей именно потому, что он является не миром какого-либо единственного интереса, а миром многих интересов».

Взгляд на угрозу безопасности как интерес контрсубъекта позволяет зафиксировать еще одну закономерность. Благодаря своей

субъект-субъектной направленности интерес может быть реализован лишь во взаимодействии с другими субъектами. Следовательно, чем интенсивнее взаимодействуют субъекты, чем прочнее и многообразнее связи между ними, тем полнее реализуются их интересы, тем эффективнее обеспечивается их безопасность. «Но взаимозависимость порождает и различие интересов, их противоположность», и чем активнее взаимодействуют субъекты, тем больше обнаруживается различий и несовпадений между их интересами, тем больше возникает угроз безопасности.

Таким образом, угроза интересу может быть определена как противоположный интерес, затрудняющий и/или делающий невозможными его формирование и/или реализацию.

Формирование угрозы происходит по мере осознания взаимодействующими субъектами несовместимости их интересов. О действии угрозы, то есть о переходе от потенциального к реальному ее состоянию можно говорить тогда, когда, осознав противоречие интересов и не соглашаясь добровольно на взаимные самоограничения в их реализации, стороны переходят к открытому противоборству, то есть к активным действиям, направленным друг против друга. Такой тип социального взаимодействия принято называть конфликтным.

Всякое противоречие интересов, независимо от того, приобрело оно форму конфликта или нет, представляет собой кризисную ситуацию. А всякий кризис, как писал А. А. Богданов, неизбежно концентрирует в себе дезорганизационные и организационные процессы, тесно сжимает их и сталкивает в рамках ограниченного пространства и времени. Ошибочно видеть в кризисе лишь разрушительное начало (интересно, что в китайском языке слову «кризис» соответствует начертание двух иероглифов — «угроза»

и «шанс»). Его успешное преодоление способно дать мощный импульс прогрессивному развитию системы по пути усложнения ее структуры и повышения способности адаптироваться к воздействиям среды. В этом случае можно говорить о «снятии» противоречия в гегелевском смысле и о «снятом» как новом качестве системы связей и отношений, опосредствованном процессом развития, что вновь подтверждает справедливость парадоксального на первый взгляд вывода о том, что наличие угроз является важнейшей предпосылкой безопасности. Напротив, мнение о том, что полное устранение конфликта возможно и желательно отражает, согласно Р. Дарендорфу, социологически ошибочную идеологию. Если в результате конфликта одна из сторон добивается реализации своих интересов за счет принуждения оппонента к одностороннему отказу от достижения своих целей, противоречие, породившее конфликт, остается не преодоленным, а угроза безопасности сохраняется и может проявиться в новых условиях с еще большей разрушительной силой.

Все многообразие типов взаимодействия интересов можно разделить на конфликтные, основанные на противоположности интересов, и неконфликтные, основанные на их различии (см. рис.). В свою очередь конфликтные взаимодействия могут быть позиционными или ресурсными.

Ц — цель; С — субъект

Позиционные противоречия возникают в том случае, если стороны взаимодействия стремятся к несовместимым или взаимоисключающим целям, то есть если их интересы расходятся, и в результате может быть достигнута лишь одна цель. Примером из современной политической практики может служить приднестровский конфликт, где одна из сторон — Тирасполь — добивается признания независимости

Приднестровской Молдавской Республики, другая — Кишинев — стремится к сохранению унитарного государства, предлагая оппоненту статус автономии в составе Республики Молдова. Продолжающееся более двух десятков лет противостояние препятствует полноценному социально-экономическому и политическому развитию обеих сторон, следовательно, представляет угрозу безопасности каждой из них. Преодоление противоречий подобного рода и, соответственно, нейтрализация порожденных ими угроз безопасности возможны за счет корректировки целей участников взаимодействия и выработки общей цели на основе совпадения части их интересов. В приведенном примере вариантами преодоления кризиса являются федеративное или конфедеративное государственное устройство.

Другой тип порождающего конфликты взаимодействия интересов — ресурсные противоречия. Они возникают по поводу объекта, на который направлены интересы взаимодействующих субъектов, то есть в тех случаях, когда интересы сторон пересекаются. Здесь возможны следующие варианты:

а) объект не может быть разделен на части и владеть им совместно с кем-либо невозможно (например, пост главы Союзного государства России и Белоруссии);

б) объект может быть разделен в какой-либо пропорции между участниками конфликта (пример — вопрос о статусе Каспийского моря);

в) участники конфликта могут владеть объектом совместно (например, проблема совместного пользования водно-энергетическими ресурсами в Центрально-Азиатском регионе). Это ситуация «мнимого» конфликта.

Следует отметить, что большинство конфликтов современности связаны именно с ресурсами потребления, причем, как

отметил К. Боулдинг, чем беднее общество и дефицитнее предметы потребления, тем интенсивнее возникающие в нем конфликты. Ограниченность ресурсов представляет собой важнейший фактор возникновения и развития деструктивных конфликтных процессов, и этот бесспорный факт нашел отражение в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.

Преодоление ресурсных противоречий и нейтрализация порожденных ими угроз безопасности должны осуществляться за счет корректировки позиций сторон, согласования и взаимного ограничения их притязаний на предмет потребления. В этом случае возможен переход от пересекающихся к параллельным интересам, когда достижение цели каждой из сторон взаимодействия не препятствует достижению цели другой стороной.

Что касается неконфликтных типов взаимодействия интересов, то интересы могут быть названы параллельными, если стороны преследуют различные цели, но в результате взаимодействия возможна реализация каждой из них. Примером осуществления параллельных интересов были российско-украинские договоренности о продлении срока пребывания Черноморского флота России в Крыму в обмен на снижение цены за поставляемый на Украину российский газ.

Наконец, интересы можно назвать совпадающими, если все участники взаимодействия стремятся к достижению одной общей цели. Действие совпадающих интересов проявилось в ходе создания Таможенного Союза Белоруссии, Казахстана и России, когда помимо реализации конкретных интересов сторон был достигнут дополнительный синергетический эффект, благодаря которому социально-экономическое и политическое развитие партнеров становится более устойчивым и более безопасным.

Столкновение интересов взаимодействующих субъектов — не единственный источник угроз безопасности. Интерес, сформировавшийся не адекватно потребности, которая его породила, может обернуться против самого себя и превратиться в угрозу безопасности своего собственного субъекта-носителя. Ситуации, когда такое превращение бывает возможным, возникают по следующим причинам:

1) фактор времени — момент возникновения интереса не совпадает с моментом его осознания, спонтанные действия без ясной цели и достаточной информации об особенностях ситуации, в которой приходится действовать, могут привести к результатам, не соответствующим ожиданиям субъекта;

2) многовариантность средств и способов удовлетворения потребностей предполагает возможность неверного их выбора, особенно в тех случаях, когда у субъекта нет опыта в решении аналогичных задач;

3) борьба мотивов — противоречия мотивационной сферы могут блокировать активность субъекта или заставить его действовать во имя чужого интереса;

4) идеологический фактор — общественное мнение, мораль, право, системы ценностей и идеалов способны существенно корректировать цели субъекта и даже ориентировать его в направлении, диаметрально противоположном его интересам;

5) степень общности интересов — интересы могут остаться разрозненными и неупорядоченными, не найти своего выражения на уровне развитых форм общественного сознания, что затруднит их реализацию.

С несовершенством механизмов обобщения и объединения интересов связан еще один источник возникновения угроз безопасности — подмена интересов народа как социально-политического целого интересами его части в лице аппарата государственного управления или корпораций.

Возникновение государства было закономерным этапом в процессе общественного разделения труда: властно-управленческая деятельность выделилась в особый вид социальной деятельности. Произошло отчуждение ее носителей от общества и подчинение ее преимущественно групповым интересам аппарата управления, а через него — интересам экономически господствующих групп. Появление государства означало потерю обществом контроля над процессом формирования общей воли.

Государство и аппарат управления — понятия не тождественные. Если одной из основных функций государства является согласование и представительство общих интересов, то государственная бюрократия «отнюдь не представляет всеобщих интересов. Сама себя она считает конечной целью государства и поэтому неизбежно вступает в конфликт с реальными целями и интересами общества». Эта противоположность в сочетании с ресурсом власти и позволяет подменять национальные интересы интересами чиновников.

В авторитарных и тоталитарных политических системах корпоративные структуры власти и участия осуществляют посредничество между государством и представителями различных секторов экономики, ограничивая независимую организационную активность гражданского общества, что приводит к росту влияния групповых интересов в ущерб гражданским, и, в конечном счете, к усилению политического влияния групп-монопольщиков. По мнению ряда исследователей, государственный корпоративизм ограничивает либеральные свободы и народное политическое участие при доминирующем положении правящей элиты. В обществах, где гражданская структура неразвита или развита слабо, институциональные группы (армия, партии, правительственная бюро-

кратия или промышленные корпорации) берут на себя функцию артикуляции общественных интересов, часто подменяя их интересами частными, узкогрупповыми, корпоративными.

Применительно к отечественным реалиям примером служит ценовая политика ОАО «Газпром», от которой зачастую зависит реализация стратегических интересов России на постсоветском пространстве. В нашей стране структуры гражданского общества находятся в стадии становления, а группы интересов еще не консолидированы, традиции обсуждения и усвоения концепции национальных (общественных) интересов еще не сложилось. Поэтому господствующие политические и экономические элиты присваивают статус национальных интересов интересам государственным, которые в свою очередь нередко подменяются частными интересами конкурирующих групп.

Частный интерес, выдаваемый за всеобщий, представляет собой угрозу национальной безопасности. Способом нейтрализации угроз такого рода является развитие демократических институтов гражданского общества, которое делает общество активной стороной в его диалектическом противоречии с государством, дает ему возможность выступать основным субъектом власти и подлинного суверенитета, тогда как аппарат управления должен быть лишь их носителем и представителем.

Итак, во всех рассмотренных случаях угрозой безопасности является интерес — собственный, обращенный против себя же, или интерес контрсубъекта. Остается выяснить, может ли быть угрозой какое-либо явление, возникающее «независимо от субъекта безопасности в силу действия стихийных, то есть неподвластных ему природных и социальных сил». Ведь еще в конце XIX века высказывалось предположение о том, что

«многие из опасностей, которые на первый раз кажутся совершенно случайными, происходящими исключительно от сил природы, при более внимательном изучении представляются происходящими от вины, то есть от воли человека, например, пожары, нищета и пр.».

Следуя традиционному делению источников угроз на естественные (связанные с природными катаклизмами, стихийными бедствиями) и искусственные — антропогенные, социогенные и культурогенные, О. А. Бельков и В. М. Мирошниченко называют в числе социогенных источников угроз с «сознательной деструктивной направленностью» организованную преступность, наркобизнес, международный терроризм. Очевидно, что в основе перечисленных и сходных с ними явлений лежит сознательная и мотивированная деятельность субъектов. Следовательно, угрозы такого рода следует квалифицировать как интерес.

Что касается источников угроз с «бессознательной деструктивной направленностью», к числу которых указанные авторы относят «проявления рыночной стихии, колебания цен, скачки инфляции, возрастающую демографическую нагрузку на планету, потепление климата и т. п.», то здесь возникают возражения относительно понимания ими природы перечисленных явлений. «Проявления рыночной стихии» не следует считать независимыми от воли людей: «законы рынка не аналогичны законам физики, они зависят от человека и социума, от людей, которые могут придумать новые правила функционирования будущей экономики». Действующие правила ориентированы на удовлетворение интересов их «авторов», не признающих, что «существуют общественные потребности, которые не могут быть удовлетворены путем предоставления полной свободы рыночным силам». К числу именно таких

не удовлетворяемых общественных потребностей относятся устойчивое социально-экономическое развитие, достойный уровень жизни людей и сохранение окружающей среды. Таким образом, явления, отнесенные О. А. Бельковым и В. М. Мирошниченко к категории «объективно возникающих» социогенных угроз, на самом деле представляют собой результат подмены общего интереса частным, корпоративным: экономические кризисы — закономерный итог нерегулируемого развития экономики; демографический взрыв в беднейших странах является прямым следствием массовой нищеты; потепление климата в значительной степени вызвано парниковым эффектом, который, в свою очередь также порожден развитыми экономиками.

К числу культурогенных источников опасности О. А. Бельков и В. М. Мирошниченко относят «мифы, образы, идеи, способные пробуждать агрессивность, социальную злость и ненависть, принуждать к поиску врагов». Однако очевидно, что сами по себе мифы и идеи — не угроза, а средство разрушительного воздействия на духовную сферу общества, если они активно внедряются в общественное сознание их конкретными носителями (например, лидерами религиозных сект или экстремистских организаций), которые при этом руководствуются собственными интересами.

Относительно техногенных источников угроз О. А. Бельков и В. М. Мирошниченко пишут, что «при неумелых или преступных действиях людей техника, технология могут быть причиной аварий, поломок, катастроф с самыми серьезными последствиями». Но сами же авторы называют причины этих аварий и катастроф — неумелые или преступные действия людей! В первом случае речь идет об интересе, из-за недостатка информации не сформировавшемся или

сформировавшемся неадекватно, во втором — об интересе, направленном против другого субъекта (например, собственника технического объекта). Возможен еще один вариант — подмена общего интереса частным, например в том случае, если субъект знает о возможных негативных последствиях своего действия (или бездействия), но, тем не менее, реализует свою цель. Так, в 2011 г. руководство компании «BP» предпочло сэкономить на обеспечении технической безопасности буровой установки в Мексиканском заливе и стало виновником страшной экологической катастрофы. Частный интерес руководителей, сэкономивших на модернизации изношенных основных фондов объектов энергетики, стал причиной ряда техногенных аварий в отрасли: на подстанции Чагино, в элетрораспределительных сетях Санкт-Петербурга и на Саяно-Шушенской ГЭС. Эти аварии — не угрозы, а результат действия угроз.

Наконец, считается, что природные источники угроз — это «землетрясения, наводнения, ураганы, сели, подтопления, оползни, обвалы и др., представляющие собой ... посягательство на интерес». С подобной точкой зрения никак нельзя согласиться: природа не наделена сознанием и волей, следовательно, не может посягать на что-либо! Все перечисленное — не более чем условия, в которых протекает жизнедеятельность человека и общества. Эти условия могут быть благоприятными или неблагоприятными, а угрозы безопасности проистекают не от них, а от субъектов, которые (опять-таки под действием осознанных или неосознанных интересов) не сумели или не захотели предотвратить наступление неблагоприятных последствий. Например, в 2004 году о приближении к берегам Таиланда гигантской волны цунами береговым службам США было известно заблаговременно, но они

не сообщили властям страны о необходимости эвакуации людей, что привело к массовым жертвам. Противоположный пример: в 2010 году на российском Дальнем Востоке началось создание системы раннего оповещения о явлениях сейсмической активности, а уже в марте 2011 года во время разрушительного землетрясения в Японии жители Сахалина и Курильских островов были заблаговременно предупреждены о приближении стихии и эвакуированы.

Масштабные неблагоприятные последствия могут наступить в результате не только разрушительных стихий, но и вследствие вполне обычных явлений. Пример — выпавший в декабре 2010 года в Московском регионе «ледяной дождь». Из-за разницы температур в верхних и нижних слоях атмосферы над столицей прошел не обычный в это время года снег, а дождь, который под воздействием холодного воздуха над поверхностью земли тут же превратился в лед. В результате на несколько дней была парализована работа аэропорта Домодедово: из-за обледенения взлетно-посадочных полос самолеты не взлетали и не садились; из-за многочисленных обрывов проводов линии электропередач энергоснабжение аэропорта прекратилось; тысячи пассажиров сутками ожидали вылета в непригодных для этого залах. Однако причиной транспортного коллапса стала не природа, а халатность администрации аэропорта, которая не позаботилась заблаговременно об альтернативных источниках энергоснабжения и не закупила в достаточном количестве реагенты, предотвращающие образование наледи.

Таким образом, признавать источниками угроз безопасности «объективные явления, не зависящие от воли и сознания людей», значит пытаться переложить на неведомые силы ответственность за чью-то корысть или некомпетентность. Конечно, правы те, кто

говорит «о принципиально неустранимой возможности деструктивного воздействия на личность, общество и государство стихийных природных и социальных сил». Но из этого тезиса вовсе не следует, что социальные системы не могут или не должны обеспечивать собственную безопасность, адаптируясь к среде путем самоорганизации. Поэтому нужно согласиться с С. В. Картуновым, который настаивает на том, что никаких опасностей вне и независимо от нас и нашей деятельности в природе и технических системах как таковых не существует. Опасными или безопасными являются наши действия, и зависит это не от свойств материала, с которым нам приходится иметь дело (природы, конструкций, действий других людей и пр.), а от наличия или отсутствия у нас форм организации, методов и средств работы с данным материалом и протекающими в нем процессами в данных условиях. «Соппротивление материала» может быть опасным лишь в той мере и потому, насколько и почему мы не знаем законов его (материала) жизни, не умеем (или, добавим, не хотим — Н.К.) прогнозировать его поведения, не обладаем методами и средствами его оформления, желаемого употребления и контроля. Так, в феврале 2013 г. никто на Земле не мог предсказать падения в районе Челябинска Чебаркульского метеорита, лишь по счастливой случайности не повлекшего масштабных разрушений. Однако это событие послужило стимулом активизировать разработки методик предотвращения падения на нашу планету космических тел (в том числе путем изменения их траекторий за счет провоцирования столкновений с другими объектами).

Процессы и явления объективного характера, как естественные (природные), так и искусственные (социогенные, техногенные или культурогенные) являются не угрозами, а средствами, условиями или результатами

их реализации. Сами угрозы, причины негативных явлений — это во всех случаях интересы социальных субъектов. Понимание причины и следствия угроз дает ключ к выработке эффективной политики обеспечения безопасности. Изменяя условия, можно изме-

нить и следствие данной причины; создавая условия, при которых возникают противоборствующие причинные тенденции, можно пресекать ранее сложившийся ход событий, останавливать действие прежней причины и создавать новые возможности.

Библиография

1. Андреевский И. Е. Полицейское право. Т. 1. Ч.1. Полиция безопасности. СПб., 1874.
2. Бельков О. А., Мирошниченко В. М. Опасность как социальное явление и научное понятие. // Проблемы безопасности. Бюллетень Научно-исследовательского центра «Наука-XXI». 2008. № 1.
3. Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука.— М., 1922.
4. Гегель Г. В.Ф. Сочинения. Т. 5. М.— Л., 1937.
5. Глобальные вызовы, угрозы и опасности современности. Приоритеты политики обеспечения национальной безопасности России [Под общ. ред. А. В. Возженикова].— М.: Изд-во РАГС, 2008.
6. Здравомыслов А. Г. Проблема интереса в социологической теории.— Л.: Изд-во ЛГУ, 1964.
7. Золотарева Е. В. Группы интересов в политике // Вестник Российского университета дружбы народов.— Серия: Политология.— 1999. № 1.
8. Калужский М. Л. «Системность»-новая трактовка понятия. // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 4
9. Кортунов С. В. Становление политики безопасности: Формирование политики национальной безопасности России в контексте глобализации.— М.: Наука, 2003.
10. Ларин В. А. Безопасность развития и развитие безопасности. // Свободная мысль. 1996. № 7.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1.
12. Проблемы безопасности. Бюллетень Фонда «Наука-XXI». 2008. № 4.
13. Прохожев А. А. Национальная безопасность: теория, сущность, проблемы. Лекция. М.: Изд-во РАГС. 2005.
14. Смульский С. В. Интересы России: стратегический курс. // Государственная служба. 2008, № 6 (56).
15. Смульский С. В. Теоретико-методологические проблемы управления конфликтами в международных системах. Дисс. ... д. полит. н.— М., 1997.
16. Сорокин П. А. О так называемых факторах социальной эволюции / П. А. Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. / Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992.
17. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. М., 1999.
18. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537.
19. Тойнби А. Дж. Постигание истории / Пер. с англ. М., 1991.
20. Урсул А. Д. Природа безопасности. // Безопасность Евразии. 2008. № 1.
21. Урсул А. Д. Принцип «безопасность через устойчивое развитие»: концептуально-методологический анализ // Безопасность Евразии. 2009. № 2.

22. Философия политики. Книга II. Закономерности и законы политического процесса. М.: Луч, 1993. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1983.
23. Boulding K. E. Conflict and Defence: A General Theory.— N.— Y., Harper and Brothers, 1962.
24. Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society, 1959.
25. Williamson P. J. Variants of Corporatism: Theory and Practice.— Cambridge, 1985.
26. Урсул А. Д. Национальная идея и глобальные процессы: безопасность, устойчивое развитие, ноосферогенез // NB: Национальная безопасность.— 2013.— 2.— С. 1–66. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_541.html
27. Урсул А. Д., Урсул Т. А. Проблема безопасности: глобальные и универсально-эволюционные аспекты // NB: Национальная безопасность.— 2012.— 1.— С. 81–159. DOI: 10.7256/2306–0417.2012.1.67. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_67.html
28. Урсул А. Д. Обеспечение национальной безопасности через приоритеты устойчивого развития // NB: Национальная безопасность.— 2013.— 1.— С. 1–61. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_325.html
29. Урсул А. Д. Синергетический подход к исследованию безопасности // NB: Национальная безопасность.— 2012.— 2.— С. 1–47. DOI: 10.7256/2306–0417.2012.2.207. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_207.html

References (transliterated)

1. Andreevskii I. E. Politseiskoe pravo. T.1. Ch.1. Politsiya bezopasnosti. SPb., 1874.
2. Bel'kov O. A., Miroshnichenko V. M. Opasnost' kak sotsial'noe yavlenie i nauchnoe ponyatie. // Problemy bezopasnosti. Byulleten' Nauchno-issledovatel'skogo tsentra «Nauka-XXI». 2008. № 1.
3. Bogdanov A. A. Tektologiya. Vseobshchaya organizatsionnaya nauka.— M., 1922.
4. Gegel' G. V. F. Sochineniya. T.5. M.— L., 1937.
5. Global'nye vyzovy, ugrozy i opasnosti sovremennosti. Prioritety politiki obespecheniya natsional'noi bezopasnosti Rossii [Pod obshch. red. A. V. Vozzhenikova].— M.: Izd-vo RAGS, 2008.
6. Zdravomyslov A. G. Problema interesa v sotsiologicheskoi teorii.— L.: Izd-vo LGU, 1964.
7. Zolotareva E. V. Gruppy interesov v politike // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov.— Seriya: Politologiya.— 1999. № 1.
8. Kaluzhskii M. L. «Sistemnost'»-novaya traktovka ponyatiya. // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2004. № 4
9. Kortunov S. V. Stanovlenie politiki bezopasnosti: Formirovanie politiki natsional'noi bezopasnosti Rossii v kontekste globalizatsii.— M.: Nauka, 2003.
10. Larin V. A. Bezopasnost' razvitiya i razvitie bezopasnosti. // Svobodnaya mysl'. 1996. № 7.
11. Marks K., Engel's F. Soch. T. 1.
12. Problemy bezopasnosti. Byulleten' Fonda «Nauka-XXI». 2008. № 4.
13. Prokhozhev A. A. Natsional'naya bezopasnost': teoriya, sushchnost', problemy. Lektsiya. M.: Izd-vo RAGS. 2005.
14. Smul'skii S. V. Interesy Rossii: strategicheskii kurs. // Gosudarstvennaya sluzhba. 2008, № 6 (56).

15. Smul'skii S. V. Teoretiko-metodologicheskie problemy upravleniya konfliktami v mezhdunarodnykh sistemakh. Diss. ... d. polit. n.— M., 1997.
16. Sorokin P. A. O tak nazyvaemykh faktorakh sotsial'noi evolyutsii / P. A. Sorokin. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo. / Per. s angl. M.: Politizdat, 1992.
17. Soros Dzh. Krizis mirovogo kapitalizma. M., 1999.
18. Strategiya natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda. Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 12 maya 2009 goda № 537.
19. Toinbi A. Dzh. Postizhenie istorii / Per. s angl. M., 1991.
20. Ursul A. D. Priroda bezopasnosti. // Bezopasnost» Evrazii. 2008. № 1.
21. Ursul A. D. Printsip «bezopasnost» cherez ustoichivoe razvitie»: kontseptual'no-metodologicheskii analiz // Bezopasnost» Evrazii. 2009. № 2.
22. Filosofiya politiki. Kniga II. Zakonomernosti i zakony politicheskogo protsessa. M.: Luch, 1993. Filosofskii entsiklopedicheskii slovar». M.: Sovetskaya entsiklopediya. 1983.
23. Boulding K. E. Conflict and Defence: A General Theory.— N.— Y., Harper and Brothers, 1962.
24. Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society, 1959.
25. Williamson P. J. Variants of Corporatism: Theory and Practice.— Cambridge, 1985.
26. Ursul A. D. Natsional'naya ideya i global'nye protsessy: bezopasnost», ustoichivoe razvitie, noosferogenez // NB: Natsional'naya bezopasnost».— 2013.— 2.— C. 1–66. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_541.html
27. Ursul A. D., Ursul T. A. Problema bezopasnosti: global'nye i universal'no-evolyutsionnye aspekty // NB: Natsional'naya bezopasnost».— 2012.— 1.— C. 81–159. DOI: 10.7256/2306–0417.2012.1.67. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_67.html
28. Ursul A. D. Obespechenie natsional'noi bezopasnosti cherez priority ustoichivogo razvitiya // NB: Natsional'naya bezopasnost».— 2013.— 1.— C. 1–61. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_325.html
29. Ursul A. D. Sinergeticheskii podkhod k issledovaniyu bezopasnosti // NB: Natsional'naya bezopasnost».— 2012.— 2.— C. 1–47. DOI: 10.7256/2306–0417.2012.2.207. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_207.html